

Сологуб Федор

Королева Ортруда

**Москва
Книга по Требованию**

УДК 82-311.3

ББК 84-4

Сологуб Федор

Королева Ортруда / Сологуб Федор – М.: Книга по Требованию, 2011. – 212 с.

ISBN 978-5-4241-1730-5

Вторая часть трилогии Сологуба "Творимая легенда". Повествование автор переносит в вымышленную страну Соединенных Островов. Главная героиня королева-мечтательница Ортруда тяготится своей участью царствующей особы. Вокруг интриги, заговоры, измены, аллюзии на политические события начала 20 века (в частности на революцию 1905 года). Здесь соединяется декаданс и реальные события. Судя по роману Сологуб благоволил больше некоей форме анархо-синдикализма и социалистическую революцию видел как промежуточный этап перехода к идеальному обществу. Его Лакониум, который виден и в первой части и во второй некая модель идеального общества, где растят детей в близости с природой. Идея утопична, учитывая людские пороки и неравенство без которого в принципе никак не получится существовать, дети Лакониума могут стать очередными Каспарами Хаузерами. Если, конечно, в итоге не дойдет до модели показанной в фильме "Клык" Лантимоса или до того, что было в России в начале века (т.е. поголовный тоталитарный контроль, железный занавес и т.д.). В общем и целом роман великолепен. Здесь рассуждения о дуализме (сознание-тело, Змей-Дракон, Дульсинея-Альдонса, Лирика-Ирония). Язык довольно поэтичен. После второй части чувствуется незавершенность романа "Творимая легенда". Первую и вторую части связывают Елисавета - Ортруда.

ISBN 978-5-4241-1730-5

© Издание на русском языке, оформление, « YOYO Media», 2011

© Издание на русском языке, оцифровка, « Книга по Требованию», 2011

Федор Сологуб
Королева Ортруда

Глава тридцать четвертая

Обычность, — она злая и назойливая, и ползёт, и силится оклеветать сладкие вымыслы, и брызнуть исподтишка гнусною грязью шумных улиц на прекрасное, кроткое, задумчивое лицо твоё, Мечта! Кто же победит в земных веках? Она ли, отравленная всеми гнилыми ядами прошлого обычность, лицемерная, трусливая, тусклая, облечённая в чёрную мантию обвинителя, мантию изношенную, покрытую пылью старых книг? Или ты, милая, с розами улыбок на благоуханных устах, ты, роняющая один за другим лёгкие, полупрозрачные, многоцветные свои покровы, чтобы предстать в озарении торжественной, вечной красоты?

Мы только верим, мы только ждём. Вы, рождённые после нас, созидайте.

Вот, уже не серая, не мгlistая страна, не наша милая родина, где обычное становится ужасным, а ужасное обыкновенным, — иная страна, далёкий край, и там синее море, голубое небо, изумрудные травы, чёрные волосы, знойные глаза. В этой яркой стране сочетается фантазия с обычностью, и к воплощениям стремятся утопии.

Уже на этот скрытый путь по серым, пыльным проселкам, высокий, радостный, и потом скорбный путь королевы Ортруды, в счастливом, далёком краю, под лазурным небом, на островах среди лазурных волн. Но всё ещё путь омрачённый, и всё ещё страна не обрадованная.

Эта страна — Соединённые Острова, где царствовала Ортруда, рождённая, чтобы царствовать. Острова, где она насладилась счастьем, истомилась печалью, на страстные всходила костры, и погибла. На переломе двух эпох горела её жизнь факелом, горящим напрасно, когда уже солнце близко и белый свет над землёю, и отвращаются от факела людские утомлённые взоры, но ещё когда солнца нет, и мгlistый передрассветный холод объёмлет долины.

События в королевстве Соединённых Островов, некогда знаменитом и сильным, ныне же заключённом в скромные пределы двух групп островов на Средиземном море, уже несколько лет тому назад стали привлекать к себе внимание широких кругов общества в Европе.

Ортруда Первая, королева Соединённых Островов, молодая, прекрасная, очаровательная женщина, не была счастлива в семейной жизни. Лёгкий шестелст наглого скандала, притаившийся в багряных складках её королевской мантии, уже давно радовал международную публику, жестокое чудовище смеха и злословия.

Ортруда имела редкое счастье наследовать престол ещё до своего появления на свет, и родилась королевою. Её отец, король Роланд Седьмой, умер за несколько недель до её рождения. Смерть его была неожиданная, загадочная. Говорили даже, что он был отравлен.

Партия церковников и крупных землевладельцев возлагала большие надежды на его вдову, королеву Клару, женщину очень преданную интересам церкви, очень набожную, владелицу крупной земельной собственности. Изящные патеры и красноречивые епископы католической церкви были постоянными посетителями королевы Клары. Взгляды её были строго консервативны. Она всегда стояла на страже добрых нравов, и сама усердно предавалась духовным упражнениям, покорно подчиняясь дисциплине отцов иезуитов. Полумонашеская община

благочестивых дам и девиц лучшего общества, «Дом Любви Христовой», в уединенном квартале столицы, основанная отчасти на её средства, находилась под особенным её покровительством.

Сделавшись после смерти Роланда Седьмого правительницею королевства, королева Клара употребляла постоянно всё своё влияние в пользу клерикалов и аграриев. Реакционные министерства были ей радостны; она проливала горькие слёзы, когда состав парламента изменялся и вынуждал её вручать власть буржуазно-радикальному министерству.

Королева-мать тщательно воспитала Ортруду при помощи знаменитых в том королевстве учёных и педагогов. Да и не одна вдовствующая королева заботилась о воспитании Ортруды. Каждое министерство, вступая во власть, принимало на себя, вместе с другими национальными делами, также и заботу о воспитании Ортруды. Все политические партии, кроме самой непримиримой части социалистов, ревниво следили за тем, как Ортруда воспитывалась. Воспитанию маленькой королевы придавалось особое значение, потому что вражда партий и классов в это время достигла значительного напряжения. Высшие классы жадно цеплялись за то, что осталось от их ветхих привилегий. Буржуазия стала очень сильна, но уже и рабочий класс приобрел влияние на законодательство и политику, и добился довольно сносных законов о труде и о синдикатах.

Ничто не было упущено, чтобы образовать из маленькой резвушки с быстрыми чёрными глазенками и миленьким смугленьким личиком конституционную государыню, любезную и просвещённую. Труд воспитателей не был тяжёл. Они имели дело с весьма благодарным материалом. Ортруда обладала способностями и талантами, редкими даже и в высокой среде, — а ведь где же и не быть высоким талантам, как не там, где живут повелители мира и владыки людей? Притом же в вопросах воспитания в этой стране было нечто, единящее аристократию и народ: эллинская, мудрая любовь ко всему прекрасному, любовь к человеческому радостно-сильному телу; из этой всенародной, простодушной любви рождалось стремление к воспитанию простому, суровому, близкому к природе, к дружеству свободных, чистых стихий.

Веселые, обнажённые дети радовали взоры и сердца жителей Соединённых Островов, и сами они, красивые, стройные, смелые, не испытывали в такой степени, как их европейские соседи, стыдливости ужаса перед своим телом. Смуглое тело Ортруды любило знойные лобзания и пламенные ласки высокого в небесах Змия. Её сильно-дышащая грудь радовалась ветру с лазурного моря и глубокой прохладе морских волн. Её стройные ноги радостно приникали к изумрам тёплых трав и к хрупкому песку взморий.

Ортруда была красива, умна, добра, талантлива. Живо усваивала она знания, которые ей преподавались, и хотела узнавать ещё новое. Она любила искусство, и сама хорошо рисовала и писала красками.

Буржуа, сидя в кафе и любуясь последним портретом маленькой королевы, или улыбаясь напечатанному в его газете новому анекдоту из её жизни, говорил:

— Ортруда щедро одарена природою. Клерикал благочестиво говорил:

— Ортруда щедро одарена Богом. Придворный льстец говорил:

— Любовь народа окружает счастливое, безоблачное детство нашей возлюбленной королевы.

А народ, как и всякий почти народ в мире, любил всяких детей, простых и

знатных одинаково. Любил поэтому и Ортруду.

Наконец королеве Ортруде исполнилось шестнадцать лет.

С великим торжеством, привлекательным для толпы, при стечении народа, в кафедральном соборе столицы, в кругу высоких иноземных гостей, придворной знати, военных начальников и народных представителей, шестнадцатилетняя девушка Ортруда была коронована. Гладко-бритый, седой, розовый кардинал в треугольной раздвоенной митре помазал её лоб сладко-благоухающим миром, потом возложил на её смоляно-чёрные кудри королевскую золотую корону, сверкающую переливными огнями бриллиантов, изумрудов, яхонтов и сапфиров, и на плечи Ортруды упала тяжёлая багряница, и в маленьких полудетских руках засверкали скипетр и золотое яблоко царской власти. Ортруда по-детски радостно улыбалась.

Жителям столицы и Соединённых Островов надолго остался памятен этот день, не только воспоминанием о пышном торжестве, но и по зловеще-странному совпадению, — в этот самый день, в час торжества жители столицы узнали о первых признаках того явления, которое, всё усиливаясь во время правления Ортруды, разрешилось наконец ужаснувшего весь цивилизованный мир катастрофою.

Очаровательная Ортруда в сияющем венце и в тяжёлой порфире, конец которой несли за нею шесть раззолоченных камергеров, вышла из собора, осенённая балдахинем, сопровождаемая блестящим двором. С радостною и благосклонною улыбкою поклонилась она своему народу, и потом села в золочёную парадную карету. Восторженные крики толпившегося по пути народа сопровождали Ортруду до дворца. Длинный кортеж великолепных экипажей тянулся за её каретою. День был ясен. Улыбки Змия переливно играли на золоте и на бриллиантах. Лёгкий бриз развеивал разноцветные флаги. Благоуханием цветов был сладостно напоен воздух радостной столицы, весёлого города Пальмы.

Как очаровательное видение, мелькнувшее, обольстившее и скрывшееся, Ортруда исчезла для толпы в дверях дворца. Но люди не расходились. Ждали, что Ортруда ещё покажется в королевском одеянии, выйдет на балкон, вознесёт над толпою свою нежную, увенчанную красоту. Стояли, глазели, кричали, пели. В толпе шныряли бронзово-загорелые, смуглые, красивые мальчишки, и весёлые их смехи и вскрики резали знойный воздух, как звонкие птичьи голоса.

Вдруг на площади раздался крик мальчишки-газетчика:

— Телеграмма! Вулкан дымится!

Толпа бросилась к разносчикам газет. Листки с тревожною новостью раскупались нарасхват. Узнали: на острове Драгонера над вулканом, который давно считался погасшим, сегодня утром показался лёгкий дым.

Толпа волновалась. А при дворе говорили:

— Это не опасно. Пустяки.

Да ещё и верно ли? Газеты так легко преувеличивают. Из-за розничной продажи гонятся за сенсационными новостями.

— Министерство знало это ещё рано утром, но, конечно, не придавало никакого значения. Даже не говорили королевам.

— И правильно.

— Но какая бестактность — пустили теперь в продажу эти листки!

— Хоть бы до завтра подождали.

Блестящее течение придворных торжеств не прерывалось. Королева Ортруда три раза выходила на балкон. Её радостная улыбка и увенчанное блеском короны безоблачное чело очаровали опять толпу, и успокоили её минутную тревогу.

Потом был, как полагалось по церемониалу, торжественный обед у королевы, пышный, с положенными тостами, после которых палили из пушек по много раз. Юная королева очень устала, потому что должна была сидеть в короне и с порфирую на плечах. Но она улыбалась. Смотрела на принца Танкреда Бургундского, и улыбалась.

Ортруда только три дня тому назад познакомилась с ним, и уже влюбилась. Она любовалась его высоким ростом, стройным станом, белым тевтонским лицом, синими глазами.

Ах, как сладко быть влюблённою королевою!

И принц Танкред любовался Ортрудою. И он влюбился.

Что-то говорила Ортруде мать, королева Клара. В ответ ей нежно улыбалась Ортруда. Но только одно услышала слово, — милое имя:

— Танкред.

И были многие блистающие очи, — но только синие глаза Танкреда мерцали перед нею.

Потом Ортруда отдыхала одна, мечтая, в тихом сумраке опочивальни. А на улицах велили флаги, шумел народ, смеялись дети, гремела музыка, и танцевали на перекрёстках и на площадях. Радовались.

Вечером был у королевы бал. Опять нарядная толпа, и высокие гости, и Танкред между ними, — и опять улыбалась и радовалась Ортруда.

Она танцевала. Сияла радостью, когда порядок этикета дал ей возможность подать руку Танкреду.

В промежутке между двумя танцами королева Ортруда лёгким движением кружевного веера показала Танкреду место рядом. Он сел, склоняясь к её плечу, чуть-чуть свободнее, чем следовало бы, и тихо спросил:

— Вы очень устали, ваше величество? И ещё тише сказал, совсем едва слышно:

— Вы очаровательны, Ортруда. Ортруда вспыхнула, радостно улыбнулась, и сказала:

— Да, устала, но не очень. Совсем немножко. И я уже отдохнула. И мне очень весело.

Взглянула прямо в его синие глаза, — влюблённо-стыдливый взгляд. Принц Танкред говорил тихо и нежно:

— Я очень рад, что имел счастье познакомиться с вами.

И опять совсем тихо:

— Милая Ортруда!

Ортруда заравновалась, засияла улыбками, сказала с детскою живостью:

— О, это я рада этому.

Танкред говорил, и как музыка был его глубокий голос:

— Я особенно рад потому, что это в ваши торжественные дни я узнал вас, увенчанную короною ваших предков. Она так идёт к вашим чёрным, как ночь, волосам.

Шепнул ли совсем тихо? слышалось ли ей?

— Люблю вас, Ортруда.

Она очень покраснела. Слезинки блеснули на глазах. Притворно-безмятежным голосом она сказала:

— Корона тяжёлая, и порфира тяжёлая. Хорошо, что я сильная. Но мне весело. Я рада. Я не боюсь тяжёлого в моей судьбе, на моём королевском пути. Я — королева, я выбираю.

И всё тише и тише:

— Я хочу выбрать вас. Я хочу полюбить вас. И совсем тихо:

— Я вас люблю.

В это время гофмаршал Теобальд Нерита говорил королеве Кларе:

— Кому же, как не вашему величеству, знать сердце вашей дочери? Молодой человек очарован, и не скрывает этого.

Тихо ответила королева Клара:

— Очарование здесь взаимное.

Глава тридцать пятая

Высокие и знатные гости смотрели издали на беседу влюблённых, несколько более долгую, чем следовало бы. Ни для кого не было в этом ничего неожиданного. Это была приличная, одобренная, предначёртанная любовь. Немножко слишком скоро, — ну, что ж! Королева Ортруда так ещё молода, так наивна, принц Танкред так очарователен. Судьба молодых людей была окончательно решена в эти дни. В конце коронационных торжеств было официально объявлено о помолвке королевы Ортруды и принца Танкреда Бургундского.

В предположенном союзе счастливо сочетались и законы сладостной любви, и суровые требования высшей политики. Принц Танкред был красивый, стройный, надменный молодой человек, командир кавалерийского полка на своей родине. Он много путешествовал, бывал во всех частях света, видел многое и многих. Образование он получил довольно поверхностное, но умел говорить легко, свободно и просто, порассказать о многом виденном и слышанном, о своих приключениях и встречах. Он был очаровательно любезен, когда хотел.

На его родине и во многих иных странах в него влюблялись, и нередко искренно и бескорыстно, многие девушки и женщины, знатные и простые. Мимолётные связи с женщинами всех рас и наций, всякого цвета и всякого состояния ещё не утомили ни его сильного тела, ни его души, ненасытно-жаждущей и всё не находящей любви, а множество приключений под всеми небесами земли закалили его неугомонный характер предприимчивого человека.

Как многие другие, молодые и прекрасные, влюбилась в него и Ортруда. Так открыта была для любви её юная душа, ещё солнечно-ясная, — и она полюбила.

Для династии и для буржуазного правительства в королевстве Соединённых Островов это казалось очень кстати. Принц Танкред имел обширное родство среди европейских династий. Хотя его лицо и вся фигура носили ясно-выраженный германский характер, хотя на тех языках, которыми он владел, он говорил с лёгким, но всё-таки заметным немецким акцентом, хотя он сам считал себя немцем и гордился славными победами Германии, — но в жилах его текла очень смешанная кровь. Он принадлежал к тому маленькому царствующему народу, который целыми столетиями стоял во главе европейских наций, одинаково близкий всем им, и одинаково от всех их далёкий, как бы символизирующий единство европейской истории. Члены его легко, как и подобает людям высокой космополитической культуры, переменили язык, нравы и отечество, и в новой обстановке чувствовали себя так же хорошо и свободно, как и в старой, — повелителями людей, верными интересам своей новой родины, насколько они понимали эти интересы. Не было никаких оснований сомневаться и в том, что принц Танкред будет хорошим патриотом в государстве Соединённых Островов.

Свадьба назначена была, однако, только через год после коронавания Ортруды. Королева Ортруда была ещё так молода. Считали неприличным торопиться.

Находили более удобным, чтобы юная королева имела достаточно времени войти в понимание государственных дел до своего бракосочетания. В этом политические деятели видели некоторую гарантию того, что государственные дела не будут решаться под влиянием чужестранца, и двор, по представлению мини-

стерства, не мог отказать в этой гарантии.

Этот год длился для Ортруды медленно-сладкою, влюблённо-нежною сказкою. Письма Танкреда радовали её, — они были частые, остроумные, лёгкие, нежные, пересыпанные изящно-забавными рассказами. И она писала ему часто, доверчиво открывала ему свои мечтания, рассказывала всё, что вокруг неё случилось, что она сама делала. Иногда были встречи, — краткие, всегда при постоянных, но всё же солнечно-радостные.

За этот год королева Ортруда ознакомилась с высокою властью, с очаровательною магиею повелевающих, но таких неизбежных, предначёртанных слов, с великим могуществом всегда осторожно-подсказанных Да и Нет. И познала королева Ортруда сладости королевской власти, — и её тягости. Она скоро научилась понимать, что высокая королевская власть — цепь, гипнотизирующая своим блеском умы народных множеств, цепь, носимая с горделивою улыбкою торжества, но тяжёлая, как монашеские вериги, и так же режущая нежное тело слабой женщины.

Тяжёлый призрак власти! Его обманчивый блеск издевался над бессилием коронованной девушки, над её сентиментальными мечтами о всеобщем благе, над её наивными намерениями осчастливить свой народ.

Большинство в парламенте в это время, как и во всё правление королевы Ортруды, принадлежало партиям буржуазным. Две крупные партии парламентского центра, называвшиеся прогрессистами и радикалами, поочерёдно сменялись у власти. Но разница между ними была очень малая. Оппозицию составляли с одной стороны небольшая, но буйная группа аграриев, с другой — социалисты; к социалистическим фракциям принадлежали самые образованные и красноречивые ораторы парламента. Их блестящие речи были полны неотразимою убедительностью; в комиссиях они были превосходными работниками, и порою им удавалось кое-что сделать для рабочих, когда осторожные буржуа бывали напуганы манифестациями рабочих и грозным призраком всеобщей забастовки.

Наконец настал радостный для юной королевы день, — королева Ортруда была обвенчана с принцем Танкредом.

Парламент ассигновал Танкреду, как принцу-супругу, совершенно приличный гражданский лист. Только малая часть оппозиции резко протестовала против этого ассигнования.

В первое время принцу Танкреду было достаточно его гражданского листа, и он не испытывал нужды в деньгах. Но положением своим он скоро стал недоволен.

В конституционном государстве положение принца-супруга очень щекотливо. Народное представительство ревниво охраняет источники высокой власти от тайных, неответственных влияний. Ревниво, но не всегда успешно.

На поверхностный взгляд могло показаться, что после первых лёгких неловкостей принц Танкред быстро освоился с положением принца-супруга. Освоился, но в душе не примирился. В политику принц Танкред, по-видимому, не вмешивался. Он даже не входил никогда и на короткое время в кабинет королевы, когда она принимала первого министра или работала с одним из своих секретарей.

С парламентскими деятелями при необходимых встречах при дворе или в

обществе принц Танкред держался превосходно. Его обращение с ними было великолепной смесью уверенного превосходства и чрезвычайной любезности. Блистательный пример этой манеры вести себя подавал европейским принцам царственный лондонский джентльмен, издавна признанный законодатель мод и приличий, и принц Танкред был одним из удачнейших его подражателей.

В день бракосочетания принц Танкред был зачислен в ряды армии королевства Островов. Но и в военной службе вначале принц Танкред не искал видного положения, и даже решительно отклонял попытки военного министерства ускорить его карьеру. Казалось, что он вполне доволен тою же, как и на родине, ролью полкового командира, и спокойно ожидает своей очереди, чтобы после старших чином полковников получить чин генерал-майора и кавалерийскую бригаду в командование. Служебные свои обязанности он исполнял не очень ревностно, но и не лениво, он держался той благоразумной середины, на которой им были одинаково довольны и подчинённые и начальники. Офицеры и генералы говорили про него:

— Отличный офицер и славный товарищ. А иногда, в своём кругу, говорили тихо:

— Он был бы хорошим королём.

Говорили так в те минуты, когда почему-нибудь были недовольны правительством.

Думали, что народ в первые годы был доволен принцем Танкредом. Вернее, население Соединённых Островов было к нему совершенно равнодушно, и простые люди ничего о нём не думали. Да вначале и не было никаких причин к неудовольствию принцем Танкредом, как не было и оснований для народной любви к нему. Но прошли годы, и принц Танкред стал непопулярен.

На это были две причины: его любовные похождения, чрезмерно многочисленные, и его слишком аристократические и реакционные взгляды, которых он не сумел скрыть, да, может быть, и не хотел. Впоследствии, присоединилась и третья причина. Его стали обвинять в воинственных замыслах, и в том, будто бы он старается внушить королеве и министерству мнение о необходимости заключить союзы с группою великих держав. Это могло привести к войне. Война была в интересах высшего дворянства; буржуазия войны боялась, рабочим война была ненавистна.

Как могла произойти такая перемена в отношениях к Танкреду?

Всегда спокойный и сдержанный в обыкновенном состоянии, принц Танкред имел печальную слабость, в товарищеских кружках однополчан или патрициев, под влиянием излишне-выпитого вина, давать волю языку. Кое-какие острые словечки, неосторожно сказанные принцем Танкредом против парламентаризма, получили широкую огласку. По их поводу столичные газеты напечатали несколько сдержанно-укоризненных статей, сдержанных, чтобы не обидеть любимую в народе королеву Ортруду. Но так как она и после нескольких лет жизни с Танкредом всё ещё была влюблена в него, то эти статьи больно её ранили. Ещё большее огорчение причинил ей сатирический журнал «*Sancta Simplicitas*»;* на его страницах был помещён ряд карикатур, в которых узнавали намеки на принца Танкреда.

* «Святая простота» (лат.).

Положение принца Танкреда становилось двусмысленным, неловким. Про-